

© 2004 г.

А. Д. Никитина

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ КОЛОНИИ КАНИША (XIX в. до н.э.)

Этнический состав международного торгового сообщества, создавшего на территории Анатолии среднебронзового периода сеть торговых колоний с центром в Канише¹, – одна из ключевых проблем изучения этих колоний. Ее решение позволит судить о сравнительном влиянии различных этногрупп, представленных в названном сообществе: ассирийцев, чья деятельность наиболее полно отражена в документах, местных аборигенов (хеттов и лувийцев), входящих в состав населения торговых колоний, и других групп.

Благодаря обилию письменных и археологических материалов в качестве основного и наиболее репрезентативного звена указанной системы колоний, по примеру которого организовывались и остальные ее части, может рассматриваться ее центр – международная торговая колония в Канише. При реконструкции ее этнического состава мы использовали материалы раскопок Б. Грозного на цитадели Каниша (городища Кюль-тепе) в 1925–1927 гг.², легшие в основу собрания Пражского университета³, и данные более поздних раскопок Т. Эзгюча⁴. Все эти источники происходят прежде всего из северной части торговой колонии, заселенной первоначально ассирийскими купцами (позже к ним присоединились амореи); письменные материалы из южной части поселения носят фрагментарный характер⁵. Хронологически они представляют период расцвета деятельности торговых колоний (археологические слои Кюль-те-

¹ В целом эта сеть насчитывала около 120 поселений, из которых 10 или 11 были центральными, непосредственно подчиненными канишскому. См. Яковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1968. С. 24 сл.; *Garelli P. Les Assyriens en Cappadoce*. P., 1963. P. 83–122.

² Подробнее о деятельности Б. Грозного см. *Hrózny B. Rapport preliminaire sur les fouilles tchecoslovaques du Kultepe // Syria*. 1927. 8. P. 1–12; *Matouš L. Bedrih Hrozny. Leben und Forschungswerk eines tschechischen Orientalisten*. Prag, 1952.

³ *Matouš L. Zur Bestimmung der Altassyrischen Siegeigentümer // Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honor of I.M. Diakonoff*. Warminster, 1982. P. 262–264; *Matouš L., Matoušova-Raimova M. Kappadokische Keilschrifttafeln mit Siegel aus den Sammlungen der Karlsuniversität in Prag*. Praha, 1984 (публикации источников: P. 3–87; дополнительная информация по материалам печатей, содержащихся на документах: P. 87–125).

⁴ *Özgül T. An Assyrian trading outpost // Scientific American*. 1963. 208/2. P. 96–106; *idem. Excavations of Kultepe. 1954 finds on level II // Turkish Historical Society Bulletin*. 1955. 19/73. P. 64–72; *idem. Excavations of Kultepe. Finds on level Ib // Ibid.* P. 77–80. В общей сложности было раскопано примерно 150 домов.

⁵ Таблички находили под полами домов ашшурских, аморейских купцов (на севере поселения) и их малоазийских коллег (на юге и, фрагментарно, в центре поселения, где располагались торговые лавки) в больших керамических сосудах и ларях из терракоты. При этом основной объем документов из южной и частично центральной части торгового поселения Каниша по сей день остается неопубликованным и недоступным для исследователей.

пе II и Ib, ок. 1875–1800 гг. до н.э.⁶), завершившийся с образованием державы Шамши-Адада в Верхней Месопотамии, а потом и подчинением мелких государств Анатолии, на территории которых находились наши торговые поселения, новообразованной неситской державе в середине XVIII в. до н.э.

Изучение этнического состава международной торговой колонии Каниша до недавнего времени основывалось только на данных ономастики, полученных при обработке клинописных табличек. Поначалу, в 20-е годы XX в., в результате подобных исследований система международных торговых колоний Анатолии была ошибочно связана исключительно с деятельностью ашшурцев. Однако уже сам П. Гарелли, один из сторонников этой идеи, отмечал, что среди материалов северной (ашшуро-аморейской) части поселения на 1200 семитских имен встречается 800 несемитских. Такое соотношение само по себе противоречит концепции полного этнического преобладания ашшурцев и вообще месопотамцев в колонии⁷. Т. Эзгюч, используя археологические данные, полученные при исследовании построек в северной и южной частях поселения Каниша, отмечает равное количество домов, принадлежащих семитам на севере и несемитам на юге торговой колонии; эти выводы позднее были частично подтверждены письменными источниками и прежде всего материалами ономастики⁸. Н.Б. Янковская, основываясь на материалах ономастики и археологических данных, не только выявила наличие неточностей в отождествлении хурритских имен из документов северной и южной частей торговой колонии, но и подтвердила полиэтничность северной части поселения Каниша, включавшего выходцев из западносемитских, сирийских и приевфратских областей⁹. Однако, как она отмечает, данные ономастики с точки зрения изучения этнического состава торговых поселений – это лишь дополнительный и корректирующий материал, не вполне репрезентативный сам по себе (что связано, с одной стороны, с довольно большим распространением семитских имен на территории Малой Азии, вызванным ассимиляцией пришлых этнических групп местными, а с другой – с довольно часто встречающейся в документах заменой полных имен уменьшительно-искаженными формами).

На следующем этапе исследования нашего вопроса для определения этнической принадлежности авторов документов широко использовались данные глиптики и сфрагистики. Э. Порада и Н. Эзгюч на основе изучения глиптики из северной и южной частей поселения Каниша и выявления специфики соответствующих этнокультурных традиций выделили четыре стиля глиптики, каждый из которых можно соотносить с традицией определенной этнической общности: староассирийский, старовавилонский, сирийский и анатолийский стили¹⁰. Староассирийский стиль должен был, по-видимому, представлять традицию аш-

⁶ В указанных выше работах Л. Матоуша, Н.Б. Янковской, Т. Эзгюча, а также в труде Л. Орлена (*Orlin L. Assyrian colonies in Cappadocia. P., 1970. P. 201–213*) слой Ib датируется временем Шамши-Адада I и его сына Ишме-Дагана (ок. 1813–1757 гг. до н.э.). При этом более ранний слой II должен датироваться на 60–80 лет выше, т.е. примерно 1875–1850 гг. до н.э., что подтверждается документом № 58 из синхронного канишскому II слою второго слоя Алишара – поселения, входящего в состав системы международных торговых колоний (в 43 км к северу от Кюль-тепе; см. *Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and Vicinity. Chicago, 1935. P. 63 f.*).

⁷ *Garelli. Op. cit. P. 164.*

⁸ См. прим. 3.

⁹ См. прим. 4, а также Янковская. Клинописные тексты... С. 15–16; она же. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н.э.) // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1988. С. 133–137.

¹⁰ *Porada E. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. Washington, 1948; idem. Kaniš, karum // RLA. 5. 1980. S.v.;* ср. прим. 3–4.

шурских купцов, старовавилонский – традицию торговцев из Вавилона, Ура¹¹ и других городов Нижней Месопотамии; близкий к староассирийскому сирийский стиль был характерен для этнических групп, населявших территории, по которым проходили караванные пути из Ашшура в Малую Азию (в подавляющем своем большинстве это были амореи, реже – хурриты аморейского ареала или его рубежа, что подтверждают корректирующие данные ономастики). и, наконец, анатолийский стиль – традиция хетто-лувийцев и ассоциированных с ними территориально восточноанатолийских хурритов.

В связи с этой классификацией необходимо упомянуть выводы М.Т. Ларсена, который, изучая финансовую деятельность одного из элементов ашшурской части международного торгового сообщества Каниша (торгового дома купца Имди-Илима)¹², указал на возможность выделения окончательно сформировавшихся в начале XIX в. до н.э. различных стилей глиптики в зависимости от качества материала, из которого изготовлялись печати, и культурно-исторической традиции их изготовления, сложившейся в рамках соответствующей этнической группы. Он отмечает, что большая часть ассирийских печатей отличается ориентированностью на стандартизированное массовое производство, тогда как для анатолийских печатей, не имеющих четко установившихся канонических сюжетов, характерно разнообразие типов¹³. Таким образом, печати и их оттиски на документе из искусствоведческого и культурологического источника превратились также в источник по этнической истории.

Подобная классификация была использована чешскими специалистами во главе с Л. Матоушем при обработке находящейся в их распоряжении одной из самых больших коллекций клинописных документов из северной и примыкающего к ней фрагмента центральной частей торговой колонии Каниша. В итоге они смогли успешно определить стиль глиптики по оттискам печатей на документах, что способствует восстановлению этнической принадлежности их авторов. В 1950-х годах при работе с первыми 287 табличками Л. Матоуш представил только общие контуры классификации по стилям глиптики, ограничившись прежде всего выделением ассирийского, анатолийского и так называемого ассиро-анатолийского стилей¹⁴. Кроме указанных стилей, охватывающих основ-

¹¹ Для Ура с середины III тыс. до н.э. был характерен определенный тип глиптики, который в документах из северной и центральной частей торговой колонии Каниша характеризуется как «Ур III» (*Matouš L. Inscription cuneiformes du Kultepe. V. 1–2. Prag, 1962.*)

¹² Торговый дом являлся самой мелкой социальной единицей ашшурской части торговой общины и торговой общины в целом. Он представлял собой «большую семью», глава которой («отец») был членом совета общины. Остальные зависимые члены семьи, которые могли и не быть в родстве с ее главой, назывались «братьями».

¹³ *Larsen M.T. Your Money or Your Life! A Portrait of Assyrian Businessman // Societies and Languages of the Ancient Near East. Warminster, 1982. P. 214–245.*

¹⁴ Ассиро-анатолийский стиль был выделен Л. Матоушем в качестве смешанного стиля, отражающего как ассирийские традиции, так и анатолийские художественные влияния. Однако, если попытаться определить этническую принадлежность собственника такой печати, перед нами встанет ряд вопросов. В чем причина замены традиционного ассирийского стиля глиптики, если перед нами ассирийский купец? Если же речь идет о местном купце, то зачем ему копировать элементы ассирийского стиля, когда собственно анатолийский, местный стиль уже давно сформировался? Ответить на эти вопросы помогают сохранившиеся в тексте некоторых источников имена собственников соответствующих печатей, принадлежащие, согласно П. Гарелли и Н.Б. Янковской, хурритским торговцам. Хурритам и следует, очевидно, приписать «ассиро-анатолийскую» глиптику. В самом деле, хурриты были «равноудалены» от ассирийского и анатолийского влияния и равно подвергались обоим, населяя территории, отделяющие Ашшур от центрально-восточной части Анатолии. Наше предположение может подтверждаться тем фактом, что, проживая на территории Малой Азии, хурриты поддерживали тесные экономические связи прежде всего с ассирийскими купцами (см. *Garrelli. Op. cit.; Янковская. Хурриты в Канише...*).

ную массу материала источников, отмечались еще и «сирийский» (он же «каппадокийский»), собственно вавилонский и, наконец, «обобщенный старовавилонский» (он же «стиль Ура III – Вавилона») ¹⁵. При этом Л. Матоуш постоянно пользовался археологическими материалами из северной и центральной частей торгового поселения Каниша, содержащими данные о расположении и характеристике построек купцов различных этнических групп. Таким образом ему удалось выделить расположенный компактно ареал ассиро-анатолийского стиля, носителями которого, по нашему мнению, являются хурритские купцы (см. прим. 14). По найденным в этом же секторе документам, отличавшимся специфической глиптикой и семитскими именами их владельцев, Л. Матоуш выделил особый «каппадокийский» («сирийский») стиль (всего около 1.5%), а таблички из собственно ассирийской части поселения со сходными оттисками отнес к «ассирийскому» стилю ¹⁶. Дальнейшее изучение канишской глиптики позволило существенно дополнить и скорректировать эту классификацию, и уже следующие 140 документов были четко разделены по отмеченным выше четырем стилям: староассирийскому, старовавилонскому, «сирийскому» и анатолийскому (см. прим. 3).

Таким образом, привлечение канишской глиптики позволяет существенно расширить возможности изучения интересующего нас вопроса и стать основой для его дальнейшего исследования. Здесь необходимо прежде всего отметить, что при том уровне развития общества, который представляют памятники Каниша, при силе общинных связей и изолированном положении иностранных купцов на чужбине, с одной стороны, и противопоставлении их местному населению, с другой, этнотерриториальная и этнокультурная близость должна была выступать как основной фактор разделения их сообщества на организационно-коммерческие подструктуры «земляческого» типа ¹⁷. Тем самым дополнительные данные по интересующему вопросу можно получить, проводя комплексно-статистический анализ информации, которая содержится в оттиске печати или в легенде к ней. Дело в том, что каждый торгово-финансовый документ, найденный на территории Каниша, был опечатан владельцем в качестве квитанции или платежного средства. Рядом с печатью владельца ставилась печать лица, зафиксированного в документе и удостоверявшего правильность его составления (лицо это выдвигалось из числа представителей местной администрации), а затем печати (обычно в количестве одной-двух) компаньонов купца – составителя документа, разделявших с ним финансовую ответственность и принадлежавших к его же этнической «земляческой» группе. Такие же печати ставились на «конверте», в который запечатывался документ во избежание внесения в его текст незаконных изменений. Местом составления документов, как сообщают тексты, прежде всего являлся Каниш, хотя им иногда мог быть и Ашшур, и наиболее крупные поселения внутри системы торговых колоний на территории Малой Азии. Документы, представляющие собой иски (т.е. документы по расчетам, производимым как внутри отдельной этнической группы, так и с привлечением представителей других из них), могут нести

¹⁵ *Matous*. *Inscriptions cuneiformes du Kultepe*. V. 1–2.

¹⁶ *Ibid*. По характеру имен и написанию отчество в соответствующих документах Л. Матоуш убедительно связал «каппадокийский» стиль с амореями.

¹⁷ Подробнее о социальной структуре торговой колонии в Канише см. *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 45–53; *Янковская Н.Б.* Международное торговое объединение Каниша // ВДИ. 1965. № 3. С. 179–192; *Garelli*. *Op. cit.* P. 245–387; *Orlin*. *Op. cit.* P. 23–142.

две основные печати – истца и ответчика. При исках межэтнического характера к указанным печатям прибавлялась печать члена администрации торговой общины Каниша (так называемого «посла»)¹⁸.

При этом личная печать могла передаваться ее собственником только сыну, ближайшему родственнику по мужской линии, находившемуся в подчинении у самого купца, или непосредственному доверенному лицу¹⁹ из той же этнической группы (любое из этих лиц должно было принадлежать к торговому дому купца), т.е. представителю того же «землячества».

Таким образом, мы можем судить о происхождении документа из данной этнической общины не только по стилю каждой отдельной печати, но и по сочетаниям и корреляциям печатей и имен на различных документах. Используя такой комплексно-статистический анализ и обратившись к изложенным выше данным исследований глиптики и ономастики, мы получаем следующую сводную картину этнического состава населения северной части фактории Каниша. Судя по материалам первого опубликованного комплекса канишских документов, относящегося к северной части и небольшому соседнему сектору центральной части поселения, 39% населения составляли купцы из Ашшура (носители «ассирийского» стиля глиптики) и проживавшие в той же части колонии амореи (включая 1.5% носителей «каппадокийского» стиля). Второй комплекс документов, состоящий из табличек, найденных на севере колонии, показывает 64% семитского населения; при этом 45% составляли ашшурцы и 19% – амореи. Амореи были тесно связаны с ассирийцами, так как происходили с территорий, по которым проходили караванные маршруты из Ашшура в Малую Азию. Археологические данные четко указывают на то, что ассирийские постройки в северной части поселения прослеживаются и в более ранний период, чем аморейские, что подтверждает определенную зависимость (выраженную в том числе и в данных сфрагистики) амореев от ассирийцев как более сильных соседей и первопроходцев. Очевидно, именно ассирийцы вовлекли, с некоторым хронологическим запозданием, амореев (через территорию которых двигались в Анатолию) в торговлю с Малой Азией и привели их туда. К этой же группе можно добавить небольшое количество купцов из Нижней Месопотамии (представивших в первом комплексе документов около 7%, а во втором – около 4%), так как один из основных путей в Анатолию пролегал для них через Ашшур. Иную группу, свободную от влияния ашшурцев, составляли местные купцы, содержавшие лавки и мастерские в центральной части фактории, а также проживавшие в северной ее части либо в качестве уполномоченных местной администрации, либо в качестве посредников, обеспечивающих месопотамским купцам выход на локальные рынки, либо, наконец, в качестве представителей этих рынков в торговой общине Канеше – членов других общин Анатолии. Их общая численность довольно велика (42% – по первому комплексу документов и 22% – по второму), что объясняется не только потребностью в установлении постоянного контроля над деятельностью торговой общины со стороны местной администрации, но и существенной ролью местных торговцев в коммерческих операциях колонии.

¹⁸ См. *Meer P. van der. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce. Rome, 1931. P. 18 f., 124.*

¹⁹ Речь идет о так называемом «представителе», *kima jāti // kuāi*, текстов из Каниша (*Meer. Op. cit. P. 124*).

Необходимо отметить, что при обращении к данным из центральной части колонии (где находились мастерские и лавки) процент местных купцов существенно увеличивается. Этот факт может свидетельствовать о большей вовлеченности в процесс местного производства местных же торговцев, и, возможно, об их экономическом доминировании в этом производстве.

К отдельной, относительно независимой как от местного (в большей степени), так и от ассирийского (в меньшей степени) влияния группе относились хурриты, которые составляли от 12% (по первому комплексу документов) до 10% (по второму) населения северной и центральной частей поселения. При этом какая-то часть хурритов могла происходить из районов Верхней Месопотамии, по которым пролегал маршрут из Ашшура в Каниш, и появиться в Анатолии вслед за ассирийцами, подобно амореям. Анатолийские хурриты были сравнительно независимы, так как держали под собственным контролем ряд важнейших перевалочных пунктов на пути из Ашшура в Малую Азию, располагавшихся к западу от Евфрата (Уршу, Хашшу и Ма'ма, являющиеся с рубежа III–II тыс. до н.э. хурритскими центрами), но при этом довольно успешно сотрудничали с ассирийцами, не только заключая совместные сделки, но и выступая в них свидетелями²⁰. К северу от Тавра, в том числе в Канише, хурриты, будь то из Месопотамии или из Юго-Восточной Малой Азии, в любом случае должны были быть пришельцами.

В целом, рассматривая северную, преимущественно верхнемесопотамскую (ашшуро-аморейскую) часть торгового поселения Каниша и смешанную, со сравнительно большим числом анатолийских купцов, центральную его часть, можно отметить не только этническую пестроту проживавшего здесь населения, но и наличие своего рода двух этнических анклавов, поделивших между собой сферы влияния: анклав выходцев из стран к востоку от Евфрата (ашшурцев, амореев, вавилонских купцов), сплоченных общим пребыванием на территории далекого от их родины малоазийского царства, и анклав местных купцов, находившихся примерно в равном численном соотношении с вышеуказанными в центральной части поселения и в меньшинстве в северной его части. Местные торговцы, с одной стороны, вступали с пришельцами из Месопотамии в коммерческие операции, обеспечивая им выход на локальные рынки, с другой – находились от них в экономической зависимости и нуждались в их товарах, осуществляя в то же время постоянный контроль над их деятельностью через представителей местной городской общины или правителя, с третьей – являлись непосредственными организаторами самостоятельных торговых операций сходного вида.

Говоря о хурритах, которых нельзя отнести к какому-либо из двух выделенных анклавов, необходимо отметить, что они имели лавки в центральной части торговой колонии и проживали как в северной, так и в южной ее частях. Последняя осталась относительно малоизученной из-за фрагментарного характера опубликованного источникового материала, дошедшего оттуда. Используя поступившие в научный оборот данные ономастики, археологических раскопок и частично сфрагистики, предоставленные в разное время Т. Эзгючем, Н. Эзгюч и Н.Б. Янковской, и сведя их воедино, мы получим следующее: доля хурритского населения в южной части поселения не превышала 15%, более 70% составляли хетты-неситы (основное население всего района Каниша),

²⁰ Статус хурритов подтверждается одним из канишских документов (*Meer. Op. cit.* P. 45 f.; ср. в целом: *Янковская. Хурриты в Канише...*).

лувийцев же (появлявшихся здесь с юга, из Киликии, и с юго-запада, с плато Конья) насчитывалось, так же как и хурритов, не более 15%²¹.

Итак, в северной части месопотамское большинство жило бок о бок с анатолийским меньшинством, в центральной части, где находились мастерские и лавки, их соотношение было примерно одинаково, а в южной части безусловно преобладал хетто-лувийский элемент. Возможно, речь идет о противопоставлении иностранной северной части торгового поселения (анатолийские купцы которой были членами других городских или сельских общин на территории Малой Азии и также оставались чужаками для купцов-канишцев) – южной, включавшей в основном уроженцев и ближайших соседей Канишского царства.

Для детального изучения центральной, смешанной по населению, части торговой колонии мы пока не имеем достаточно источников; можно лишь предположить, что чем дальше от центра располагались те или иные лавки, торговые конторы или мастерские, тем большее влияние северной (иностранной) или южной (местной) частей поселения они испытывали, и соотношение находившихся здесь иностранных и местных купцов менялось соответствующим образом. Так, на самом юге северной части поселения и в небольшом секторе центральной части, как мы уже отмечали, соотношение месопотамской, хурритской и местной групп было 46% : 12% : 42%, с примерным равенством первой и третьей из них и очень небольшим преобладанием иностранцев (т.е. первой и второй групп в целом), что, очевидно, определялось близостью южной части, где обитали местные купцы, а также самим характером рассматриваемого района – торгового центра, где никто не жил, но постоянно должен был проводиться контроль за деятельностью иностранных купцов.

Сопоставив данные из северной и южной частей торгового поселения Каниша, укажем на то, что представленная в северной части поселения (где непосредственно располагалась иностранная часть торговой общины) система двух этнических анклавов, распредивших между собой уровни экономического и социально-политического влияния, оказывается не менее ярко выражена и в масштабах всего поселения целиком: месопотамская (ашшуро-аморейско-вавилонская) часть составляла в целом 36% от общего числа жителей торгового поселения, хетто-лувийский анклав – 52%, а своеобразным независимым элементом (обеспечивающим тем самым стабильность и равновесие всей системы торговых колоний) было хурритское население, не принадлежавшее к местным жителям и равно размещавшееся в обеих частях торгового поселения – северной, «месопотамской», и южной, «местной», составляя в целом 12% от их общего населения.

Этнический состав населения других торговых колоний, входивших в состав системы связей Каниша, не может быть сколько-нибудь достоверно восстановлен в силу недостатка источников. Можно, однако, предполагать, что процент местного населения здесь был существенно выше, причем в большой излучине Галиса достаточно велика была доля хаттов, в верховьях реки – палайцев, на плато Конья доминировали лувийцы, а к югу от Тавра – хурриты (для этого региона – местное население). В тех же факториях, которые лежали на караванных маршрутах, ведущих от Каниша на восток, за Евфрат, доля амореев и месопотамских хурритов также могла повышаться.

²¹ См. литературу, указанную в прим. 4, 9.

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE INTERNATIONAL KANISH TRADE COLONY (1800 BC)

A.D. Nikitina

The onomastic and glyptic data from Kul-tepe levels II–Ib (c. 1875–1800 BC) gives an opportunity to reconstruct ethnic distribution of the population of the Kanish trade colony as follows: at the northern part of the site, mainly inhabited by foreign traders, 50–60% of population belonged to Mesopotamian/Semitic ethnic enclave (Assyrians, Amoreans, mostly associated to them, and c. 5–7% traders from South Mesopotamia), occupying the northern and partly central part of the site. The Hurrians from South-East Anatolia and North Mesopotamia (to whom the so-called «Assyro-Anatolian» glyptic style can be attributed) constitute c. 10–15% of population at any part of the site – northern, central or southern. The local Hittite-Luwians occupied mostly the southern part. On the whole, the ethnic ratio for both northern and central parts can be approximately given as > 46% (Semitic Mesopotamians) : 12% (Hurrians) : < 42% (Hittites and luwians), while for the southern part it would be c. 15% (Hurrians) : 85% Hittite-Luwians (70% of Hittites and 15% of Luwians). The existence of two different ethnic enclaves/communities (Semitic and Anatolian), inhabiting different quarters, with Hurrians dispersed throughout the whole site as the third independent group, can be deduced from these ratios.

© 2004 г.

А. Н. Темерев

ПОЛОЖЕНИЕ НЕЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЗДНЕМ ЕГИПТЕ

(На примере арамеоязычного¹ населения юга Египта)

Положение незамужней женщины рассматриваемой этнической группы в позднем Египте до сих пор не являлось предметом специального рассмотрения². Вместе с тем, к настоящему времени издано большое количество документов на позднеиератическом, демотическом, арамейском языках, которые составляли основу семейных архивов. Хронологически они датируются эпо-

¹ Под «арамеоязычным населением» мы подразумеваем представителей различных этнических групп, которые в повседневной жизни пользовались арамейским языком. По распоряжению саусских, а затем и ахеменидских правителей отдельные представители этой части населения для выполнения возложенных на них обязанностей направлялись в различные районы Египта. На местах им выделялось жилье и выплачивалось жалование. Обычно служилые люди прибывали к месту службы вместе с членами своих семей (женами, детьми, престарелыми родителями). В арамейских юридических документах среди них часто упоминаются арамеи ('ṯmṯ / 'ṯmṯ') и иудеи (yhwdyn/yhwdy'). Совместное проживание, выполнение общих профессиональных обязанностей, смешанные браки – все это способствовало формированию общих мировоззренческих представлений и общественных институтов. В зарубежной историографии эта группа населения, имевшая сходные этнокультурные корни и исторические судьбы, рассматривается как «jewish-aramaeic communities» (Hoonacker A. van. Une communauté judéo-araméenne à Eléphantine, en Egypte, aux VIe et Ve siècles av. J.-C. L., 1914; Ayad Ayad B. The Jewish-Aramaean Communities in Ancient Egypt, Cairo, 1975) или «aramaic-speaking communities» (Porten B., Gee J. Aramaic Funerary Practices in Egypt // The World of the Aramaeans II. Studies in History and Archaeology in Honour of Paul-Eugene Dion/Ed. P.M.M. Daviau, J.W. Wevers, M. Weigl. Sheffield, 2001 (Journal for the Study of the Old Testament, Suppl. Ser. 325). P. 270–307.

² Анализ некоторых арамейских терминов, служивших обозначением женщин Элефантины, см., например: Segert S. Zur Bezeichnung der Frauen in den aramaischen Verträgen von Elephantine // Studi in honore di Edoardo Volterra. Milano, 1971. P. 619–621.